

Дмитрий ЛАГУТИН

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «проза» (2017 и 2018 гг.), лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы (2020, № 1-2).

БЛУЖДЕНИЯ

Сказка

Этот рассказ я порывался оснастить внушительным предисловием, призванным настроить читателя на нужную волну, каким-то образом ввести в курс дела – но потом решил, что уместнее будет отринуть все условности и просто начать – а там уж как пойдет.

Итак, трижды слышал я о том, что по нашему городу... блуждает – лучше слова, по моему, не найти – нечто необъяснимое. Все три истории обнаруживают некоторую, если позволите, композиционную схожесть – что, в свою очередь, наводит на мысли об их родстве – и поэтому целесообразно говорить о них в совокупности, не утомляя читателя тремя самостоятельными рассказами. Вместе с тем каждая история самобытна и в самобытности своей – не побоюсь громких заявлений – экстравагантна, в самом хорошем смысле этого слова. А значит – заслуживает какого-никакого внимания.

В бытность мою студентом, курсе эдак на втором, я – как и положено всякому студенту – ухаживал за представительницами прекрасного пола, тратил значительную часть стипендии на букеты, мелкую бижутерию и билеты в кино, тщательно скреб бритвой верхнюю губу, опрыскивался одеколоном и вечерами напролет мерял шагами площадку под окном объекта моего воздыхания.

Объект моего воздыхания располагал арсеналом из: вздернутого носика, пронизательных серых глаз, волны сияющих каштановых волос, сотни выученных наизусть стихов – сплошь серебряного века – и тотального, ледяного, несокрушимого равнодушия к автору этих строк.

В свободное от учебы и моих ухаживаний время объект воздыхания – позвольте далее для удобства называть ее Виолеттой, вне зависимости от того, как звали ее на самом деле – в свободное время Виолетта занималась тем, что продавала знакомым косметику и парфюмерию, будучи включенной в сложный механизм сетевого маркетинга, принцип работы которого до поры до времени оставался для меня чем-то вроде головоломки. Комната ее – насколько можно было судить с дерева, растущего перед домом, – напоминала склад парфюмерного магазина и была сплошь заставлена коробочками, свертками, тюбиками, флакончиками, пузырьками и прочими артефактами, не вполне понятными нашему брату. Если Виолетта открывала форточку, двор наполнялся самыми чудесными ароматами, птицы щебетали громче, дворовые кошки урчали и жмурились и даже восседающие на лавках старушки переставали смотреть на меня с раздражением, окликали дружелюбно и расспрашивали, тяжело ли нынче учиться на юриста.

Все, к чему прикасалась Виолетта, дивно пахло духами – пахли перила в подъезде, пах почтовый ящик, пахли тетради с конспектами и пузатый чайничек, в котором нам подавали чай в соседнем кафе.

Все попытки заказать вино или шампанское, которым потчевали своих дам мои товарищи, пресекались на корню – я не смел перечить и давился терпким зеленым чаем, который с тех пор на дух не переносил.

В этом-то кафе, за этим-то чаем и рассказала мне Виолетта первую из трех историю – о том, что по нашему провинциальному городу плавают облачка легендарных духов «Шаримар».

– Не «Шаримар», – поправляла меня Виолетта, морщась, точно от боли, – а «Шалимар».

– Ша-ли-мар, – по слогам повторял я и смотрел на волны каштановых волос, рассыпающиеся по плечам.

– Этот аромат, – взгляд Виолетты становился мечтательным и устремлялся куда-то за окно, – этот аромат воплощает в себе любовь индийского шейха и самой прекрасной из его жен, – на этих словах я фыркнул, и мечтательный взгляд на мгновение туманился презрением, – в садах Шринагара.

– Шри-на-гар, – повторял я, подпирая подбородок кулаком и тоже глядя за окно.

За окном вытягивалась засаженная каштановыми деревьями улица, на той стороне бил, сверкая брызгами, фонтан перед торговым центром. Каштаны падали с ветвей, раскалывались о тротуар, темные блестящие кругляши подпрыгивали, кувыркались, вихляя из стороны в сторону. Я представлял себе сады Шринагара, сплошь состоящие из каштановых деревьев, индийского шейха в тюрбане и смуглую красавицу с лицом, закрытым шелковым платком, похожую на Жасмин из диснеевского мультфильма. Шейх рассказывал Жасмин о своей любви, а потом подбирал только что упавший каштан, приседал, коротко замахивался и запускал каштан по дорожке под аплодисменты толпящихся за деревьями слуг.

– Это одни из первых типично восточных духов, – продолжала Виолетта и заглядывала в чайничек. – Подольешь мне чаю?

Пока я подливал чаю, звал официанта и просил повторить, с грустью смотрел на разносимые по залу подносы с шампанским и четыре пивных крана, блестящих из-за барной стойки, она рассказывала про то, что в духах цветочные и цитрусовые ноты удивительным образом сочетались с ванилью и ладаном, что форма хрустального флакона была неизменна в течение семидесяти шести лет, и лишь в две тысячи первом ее было решено несколько модернизировать.

– Зачем? – спрашивал я.

– Что зачем?

– Зачем ее модернизировать?

Виолетта вздохнула и смотрела на меня с укоризной.

– Ты, конечно, не веришь, – подводила она черту, – я бы, наверное, тоже не поверила, если бы лично не... столкнулась... если бы не почувствовала.

И она снова рассказывала про то, как уловила аромат легендарных типично восточных духов в одном из дворов Ливенской улицы, в который вошла, чтобы срезать путь домой, про то, что сразу вспомнила рассказы многочисленных брянских парфюмеров, про то, что аромат не стоял на месте, а плыл через двор на манер облачка, двигаясь через баскетбольную площадку к арке.

– Каждый уважающий себя парфюмер знает, как пахнет «Шалимар», – строго поясняла она.

Поняв, что аромат уплывает от нее, Виолетта сделала несколько выпадов в разные стороны, напала на след и заспешила за таинственным облаком.

– Как девочки и говорили – не больше метра в обхвате.

Выплыв из арки – в сопровождении Виолетты – духи заскользили вдоль домов и скользили так до самого общежития технического университета. Дважды Виолетта отставала, паниковала, серые глаза заволакивало слезами, но потом настигала загадочную цель. Так бы она и шла за ней до самой Индии – не вонзись облачко в стену общежития. По-видимому для «Шалимара» кирпичная кладка препятствием не являлась. Виолетта бросилась к крыльцу, протиснулась через толпу галдящих студентов, добежала до лестницы и даже уловила слабый аромат заветных духов, но дальше бежать было некуда, пролетом выше уже не пахло, к тому же ее догнала запыхавшаяся вахтерша и попросила объясниться – или хотя бы представиться.

По словам Виолетты, облачко духов «Шалимар» в разное время встречали в нашем городе около дюжины человек. Облачко вело себя спокойно, плавало по улицам и даже как бы

никуда не исчезало – рано или поздно преследовательница натыкалась на препятствие, сквозь которое облачко проходило без труда.

– Лёля сперва потеряла его, а потом снова поймала, – восхищалась Виолетта. – Обежала дом, а оно вылетело ровно с другой стороны, прямо на нее.

Я отдавал должное Лёлиной сноровке.

– Но ты же понимаешь, что ты, например, даже если и столкнешься с ним, – Виолетта разочарованно смотрела на меня, – ничего не поймешь.

Я кивал, соглашаясь.

На следующей встрече она отказалась от колеса обозрения и отвела меня в парфюмерный отдел, где мне под нос сунули сладко пахнущую бумажку.

– Вот, – сказала Виолетта торжественно, – это «Шалимар».

Я покивал уважительно, пообещал держать ухо востро, принохиваться на улицах и «если что, сразу звонить ей», но, конечно, как только мы вышли на воздух, «Шалимар» исчез из моей памяти, до неразличимости смешавшись с тысячей прочих женских духов.

А вскоре и общение с Виолеттой прекратилось – увидев меня в очередной раз курсирующим под ее окном, она спустилась, пристально посмотрела на меня своими серыми глазами и сообщила, что больше не может принимать мои ухаживания, потому что у нее теперь есть кавалер. Я сперва порядком расстроился, но потом даже обрадовался – потому что устал пить зеленый чай и биться как горох об стену в попытках заполучить-таки ее расположение. Она поблагодарила меня за все, извинилась – что делает ей много чести – и пожелала встретить девушку, которая сможет увидеть во мне то, чего, как ни старалась, не смогла увидеть она. Завершила свою речь она просьбой не звонить и не писать ей – и желательно не здороваться при встрече – так как ее кавалер очень ревнив. Последняя просьба меня несколько обескуражила, но мы и впрямь перестали здороваться, встречаясь в университете. Один раз только – спустя почти полгода после разговора – я выпил лишнего на встрече с одноклассниками, взгрустнул и решил ей позвонить – соврать, что унюхал где-нибудь в городе пресловутый «Шалимар» и что бежал за ним до реки, напридумывать чего-нибудь эдакого, поярче, но трубку поднял ревливый кавалер и стал кипятиться.

Через год я узнал, что они поженились и переехали в Москву.

Через два я закончил университет и – к моему великому удивлению – устроился на работу по специальности, в – что вызвало еще большее удивление – приличную компанию, исправно платившую зарплату, с пониманием относящуюся к отсутствию опыта и никоим образом не посягающую на мое человеческое достоинство. В университете нас готовили к тому, что молодой специалист на первых порах обязательно проходит через унижение, пренебрежение и ущемление в правах – что звучит особенно иронично в разговоре о молодых юристах, – закаляется через ругань начальства, просеивается сквозь безжалостное сито естественного отбора и, при должной настойчивости, врывается в профессиональную лигу обросшим шишковатой броней.

Мне с начальством повезло. И с офисом повезло, и с зарплатой, можно сказать, повезло – я только вступал в самостоятельную жизнь и звезд с неба не хватал – и вообще со всем повезло, а больше всего – с коллективом, в центре которого восседал обставленный мониторами системный администратор, милейший парняга, мой ровесник, общительный и остроумный – со скидкой на профессию, – с которым мы в первый же месяц нашли общий язык и крепко сдружились.

Системный администратор – позвольте далее называть его Женей – и рассказал мне вторую историю из сегодняшнего списка. Был он весельчаком, балагуром, постоянно что-то сочинял, смеялся в голос над форумом сисадминов, в котором по долгу службы состоял, цитировал мультфильмы и добродушно обозревал офис сквозь толстые линзы прямоугольных очков, выглядывая из-за гряды мониторов.

Началось с того, что я поделился с Женей легендой о «Шалимаре». Уж не помню точно, какими тропками мы вышли на эту тему, но помню, что по мере моего рассказа лицо у Жени вытягивалось и жевал он все медленнее – дело происходило в офисной кухне, в конце рабочего

дня, в равноудаленное и от обеда, и от ужина время, в которое обязательно хочется если не поесть как следует, то хотя бы перекусить, благо магазин электроинструментов делит первый этаж с продуктовым.

Из-за двери доносился смех – смеялась, конечно, бухгалтерия, – в углу кухни гудел холодильник, пыхтел, готовясь закипеть, чайник.

Внимательно меня выслушав, Женя снял очки, потер их о джемпер, вернул на место и стукнул освободившейся рукой – во второй он на почтительном расстоянии держал надкушенное пирожное «муравейник» – по столу.

– Врет твоя Виолетта! – воскликнул он.

Он тут же смутился своей горячности, кашлянул и добавил:

– Ну, или это совпадение такое, – он понизил голос и протянул, разделяя слоги паузами, – мис-ти-ческое.

Чайник забурлил, всхлипнул и выключился со щелчком. Женя доел «муравейник» – не посмеявшись традиционно над тем, что он муравьед – встал, но чайник проигнорировал и заходил туда-сюда по кухне в раздумьях.

– Говорят, – сказал он, остановившись и подперев плечом холодильник, и тут же поправился, – пишут! Пишут, что летает по нашему городу... – он ударил себя в грудь. – По нашему!..

Я кивнул.

– Летает по нашему городу, – продолжил он, – облачко, – он внимательно посмотрел на меня, – вай-фая.

Я, сидевший до этого момента в некотором напряжении, прыснул и потянулся за пирожным.

– Смеешься! – крикнул Женя и замахал руками. – Над Виолеттой, небось, не смеялся!

– Смеялся, – соврал я.

Женя покачал головой, взял со стола чашку, плюхнул в нее три ложки кофе и залил кипятком. Над чашкой закачались струйки пара, горько запахло. Я сидел и молча ел пирожное.

– Пишут, – заговорил, наконец, Женя, поднимая кружку на уровень глаз и глядя на меня сквозь пар, – что вай-фай этот необычен не только тем, что он, собственно, есть, просто так, без источника, и не только тем, что он постоянно перемещается, – Женя поставил чашку передо мной и зашагал по кухне, – но и много чем еще.

Я откинулся на спинку стула.

– Скорость – космическая! – начал загибать пальцы Женя. – Данные...

Он осекся – за дверью раздался шум, она распахнулась, и в кухню ввалилась бухгалтерия в полном – золотом – составе. Захлопали дверцы шкафчиков, из холодильника дохнуло морозом, захрипел чайник, забурлила в раковине вода, исчезли – я и глазом не успел моргнуть – все оставшиеся в упаковке «муравейники».

– Муравьеды, – коротко сказал Женя с серьезным лицом. – В естественной среде обитания.

Поднялся хохот – бухгалтерия в системном администраторе души не чаяла – и нас с Женей как-то невзначай добродушно вытолкали из кухни в пустой офис.

Кроме нас и бухгалтерии в офисе в это время обыкновенно никого не было.

За окном мело – стоял то ли декабрь, то ли январь – сквозь метель мерцали огни фонарей. В офисе было темно – бухгалтерия презирала общее освещение и отдавала предпочтение настольным лампам, которые Женя называл «ночниками». Ему лампа была не нужна – он сидел в круге бело-голубого свечения, исходившего от мониторов.

– Смотри, – потянул он меня за рукав к мониторам.

Он сел и застучал по клавиатуре.

– В какой смотреть? – спросил я, опираясь на спинку кресла.

Женя ткнул пальцем.

– Форум, – пояснил он.

Я вытянул шею, присмотрелся. Как и ожидалось, язык, на котором общались люди на форуме системных администраторов, русский напоминал очень отдаленно и требовал перевода.

– Я таких слов не знаю, – сказал я. – Переводи.

Женя заерзал довольно и стал объяснять значение каждого термина отдельно, в красках, с готовностью – Женя любил свое дело и использовал любую возможность для того, чтобы порисоваться перед простым смертным. Выходило, однако, примерно так же, как и в случае с «Шалимаром», – с той лишь разницей, что аромат я забыл, шагнув за порог парфюмерного отдела, а технические детали волшебной вай-фай сети буквально по пословице влетали в одно мое ухо и вылетали из другого, не задерживаясь. В «итого» получалось, что по городу, если верить заведомо известным форумам, плавают облачка вай-фая и ведут себя примерно так же, как и облачка «Шалимара» – только, конечно, не пахнут – и при этом по характеристикам составляет для знающего человека огромную ценность.

Встреч с облачком было всего четыре, и в последний раз форумчане устроили настоящую облаву: счастливчик, чей аппарат зацепился за таинственный сигнал – пароля не требовалось – мало того что сорвался с места и бросился в погоню, но и на бегу бросил клич коллегам. Компьютерщики всех мастей хлынули на улицы, бросая рабочие места и онлайн-игры. Началась увлекательная беготня с распределением по секторам – Виолетте с ее обонянием ориентироваться в пространстве было куда проще – беготня, затянувшаяся на несколько часов: «Шалимар» мог обмануть даже сноровистую Лёлю, расчертив Дом культуры не по прямой, а буквой «Г» или более причудливым зигзагом, компьютерщики же мгновенно оцепляли здание и показывали чудеса организованности, ухитряясь при этом выжимать из облачка максимум возможностей, сообразно его удивительным характеристикам.

Поздней ночью облачко вай-фая ушло от преследователей озерами.

Рассказ был в духе Жени – и если бы не «Шалимар», я бы ни на секунду не усомнился в том, что все это – чистой воды выдумка. Кроме того – кто их разберет, этих компьютерщиков: нафантазируют себе и носятся сломя голову. И сейчас я все же думаю, что в конечном итоге кто-то над кем-то изобретательно шутил. Но тогда – в темном, с «ночниками», офисе, с метелью за окном, в круге молочно-голубого сияния, бросающего блики на Женины очки, я вдруг на какую-то минуту твердо поверил в то, что обе истории – чистая правда, что прямо сейчас по городу курсируют два удивительных облачка, и нужно только быть сведущим человеком, чтобы при встрече осознать всю грандиозность события.

Уже через полчаса, дописывая протокол о внесении изменений в устав под гомон бухгалтерии, – задумчивый Женя обхватил голову огромными наушниками и прилип носом к монитору, – я сомневался, качал головой и усмехался своей доверчивости.

С Женей мы дружим до сих пор.

Приличная компания, в которую мне повезло попасть и в которой повезло проработать четыре года, не выдержала федеральной конкуренции и рассыпалась после долгих попыток оставаться на плаву. Я попал под сокращение, Женя ушел сам, офис сдали в аренду, и теперь, проезжая мимо него в вечернее время, я вижу, что никто не «полуночничает» – еще один Женин термин, описывающий пиетет бухгалтерии перед настольными лампами – потолок сияет холодным белым светом, накидывая широкие сверкающие лоскуты на островок парковки.

После сокращения я за год сменил несколько мест, пока не осел в одной из юридических контор, штат которой наполовину состоял из моих однокурсников и отличительной особенностью которой – кроме звучного, не в пример конкурентам, названия – была любовь начальства к корпоративам. Корпоративы устраивались по поводу и без повода – в среднем раз в две недели. Праздновали дни юриста, дни российской печати, дни дипломатического работника, дни работника геодезии и картографии – не говоря уже о днях рождения и дне, в который славная десятая налоговая зарегистрировала наше ООО. На корпоративы уходило страшно много денег – но зато атмосфера в коллективе со временем выстроилась отменная. Я даже перезнакомил со всеми Женю, и он стал приходить время от времени – по компьютерной части.

Корпоративы в основном проводились прямо на рабочем месте – в нерабочее, понятно, время. Корпоративы были шумные, с выдумками, песнями и авантюрами – и завершались далеко за полночь разездом участников на такси. Кто-нибудь обязательно оставался спать в кабинете – скорчившись на крошечном диванчике для посетителей, у кулера, – но я всегда ехал домой, хотя дорога была неблизкой.

Во время одной из таких поездок я и услышал третью историю из обозначенных.

Праздновали всемирный день туризма – приходящийся на конец сентября. По такому случаю кто-то принес гитару, подглядывая в компьютер, пели походные песни, вспоминали, кто когда и куда ходил с палатками, сколько ночей суммарно провел в спальниках, страшно было или весело. Для аутентичности использовали металлические рюмки из туристического набора. Я в походе был дважды – в пятом и шестом классах, без ночевки, но с палаткой, под строгим надзором учителя географии и двух добровольцев из родительского комитета. Походы были хорошие и оставили массу теплых воспоминаний, но для корпоратива они вряд ли подходили. Зато оказалось, что Лёша Козьмин был в горах и даже куда-то карабкался в составе группы – для чего полтора года предварительно посещал скалодром – и поэтому весь вечер был в центре внимания, руководил репертуаром и важничал, повторяя раз за разом:

– Горы – это да-а...

При этом он скреб ногтями недельную щетину и смотрел на окно, словно там, за пеленой дождя, возвышался не строящийся микрорайон с кранами и прожекторами, а горный хребет.

У многих само по себе известие о том, что в нашем городе есть скалодром, вызвало крайнее изумление.

Около часа ночи я поднял над головой портфель и в два неловких прыжка преодолел расстояние от крыльца до такси, дважды по щиколотку провалившись в лужу. Бабье лето закончилось, и лило уже с неделю – в такси было душно, гремела музыка, чтобы увидеть что-то в окно, нужно было предварительно это окно протереть – и ловить момент, потому что оно запотевало тут же.

Ехал таксист осторожно, не гнал, но постоянно кого-нибудь ругал – других водителей, дождь, муниципалитет, вырубающий вдоль дорог деревья, застройщиков, втыкающих в каждый свободный пятак по четырнадцатизэтажной свечке. Я сперва старался слушать внимательно, но потом меня растрясло, и следить за чередой возмущений, прорывающихся сквозь гремящую музыку, стало затруднительно. Я прислонился к запотевшему стеклу и начал потихоньку проваливаться в дремоту.

Кажется, я даже успел увидеть что-то вроде сна, когда машину тряхнуло так, что портфель с моих колен слетел под ноги. Где-то в районе левого колеса жутко громыхнуло, таксист выкрутил руль, и мы остановились посреди пустой улицы в пяти минутах от моего дома. Таксист зажмурился и для верности закрыл лицо ладонями. Потом положил руки на руль, медленно выдохнул, надув небритые щеки, и включил аварийку. Медленно отстегнул ремень, медленно вышел под дождь и осторожно закрыл дверь. На меня он даже не посмотрел.

Сон как рукой сняло. Я посидел минуту, две, а потом щелкнул ремнем и тоже вышел.

Таксист рылся в багажнике и что-то бормотал. Я поднял воротник пальто, втянул голову в плечи, покачиваясь, обогнул такси и посмотрел на громыхнувшее колесо.

Кажется, все было в порядке. Во всяком случае, я ожидал увидеть развороченное крыло и был крайне рад тому, что ожидания не оправдались – даже колесо оказалось не пробитым.

Таксист между тем распрямился и помахал мне выловленной из багажника рулеткой. Потом он развернулся и зашагал к яме, на которую мы, судя по всему, и наехали. Яма чернела ровно посередине полосы, имела форму правильного круга. Таксист, не обращая внимания на дождь, растянул рулетку, сел на корточки и стал замерять габариты ямы – включая глубину, которая, к слову сказать, была не такой уж и большой. Потом встал, подошел ко мне, внимательно осмотрел колесо, упершись ладонью в мокрый асфальт, заглянул под крыло, по локоть засунул руку под дно и в завершение покачал колесо ногой.

Потом он выпрямился, обернулся и долго смотрел на яму. Мимо проехал, обогнув нас по встречной полосе, огромный внедорожник. Из-под колес летели брызги, я отпрыгнул в сторону

– а таксист остался стоять и даже не шелохнулся, когда по коленям его хлестнула настоящая волна.

– Вот тебе и на, – протянул он наконец, дернул ручку и, не глядя на меня, сел в машину. Когда я сел на свое место, он кому-то звонил.

Кто-то долго не отвечал.

– Слышь! Слышь! – закричал таксист, как только в трубке послышался голос. – Знаешь, что сейчас было?

Я положил портфель на колени и кашлянул. Таксист и глазом не повел.

– Какой «сплю»! Какой «сплю»! – кричал таксист. – Тут такое! Какой «утром»!

Но кто-то на другом конце провода, по-видимому, общаться желания не имел.

– Сбрасывать он мне будет... – шипел таксист, перезванивая. – Сбрасывать мне...

Но собеседник трубку брать не хотел. Таксист предпринял еще несколько попыток дозвониться и выругался.

– Не хочешь – как хочешь! – гаркнул он на телефон и бросил его через плечо, на заднее сиденье.

Потом он повернулся ко мне и выпучил глаза.

– Знаешь ты, что сейчас было, а?

То ли по интонации, то ли по выражению лица я все понял.

Таксист выключил аварийку, медленно отъехал к обочине, выкрутил руль, развернулся и припарковался на другой стороне улицы, так, чтобы видеть яму.

– Это, – он показал пальцем на яму, – не простая яма.

Он торжествующе посмотрел на меня и добавил:

– Вот я тебе зуб даю, завтра этой ямы здесь не будет.

Мне его зуб нужен не был.

Таксист приоткрыл запотевшие окна – в салон тут же стало заметать мелкие холодные капли – и рассказал мне о яме, имеющей форму ровного круга, возникающей то тут, то там на дорогах нашего города.

– И пригорода! – поправился он.

Про яму говорили таксисты, про яму говорили маршрутчики и водители медленного транспорта – автобусов-троллейбусов – и автолюбители из посвященных. Яма появлялась на дороге, создавала неудобства какое-то время – от нескольких часов до нескольких суток – и исчезала без следа.

– Зуб тебе даю, – восклицал таксист, – вчера ее тут не было!

Я сам день или два назад проезжал этой улицей, но проезжал в другую сторону и вполне мог яму не заметить.

Посредине рассказа таксист выскочил из машины, стукнул крышкой багажника и побежал к яме. Опасливо обойдя ее по кругу, он выставил перед ней аварийный треугольник и побежал обратно.

– Я ведь не верил, – продолжил он, закрывая за собой дверь. – Не верил же! Вот так штука...

По крыше такси барабанил дождь, небо было затянуто облаками, сквозь которые выглядывала то одним краешком, то другим луна. Не успевшая опасть листва отяжелела и тянула ветви деревьев, стоящих вдоль дороги, вниз. Фонари горели оранжевым – и вся улица светилась, отражая их свет. Яма молчаливо темнела метрах в пятнадцати от нас.

– Обычно ее объезжают, – говорил таксист. – Это я, дурак, засмотрелся.

Я слушал-слушал, а потом, запинаясь и путая слова, рассказал – и про «Шаримар», и про вай-фай. Таксист кусал губы, хмурился, щурил глаза. Когда я закончил, он посмотрел на меня подозрительно и протянул:

– Не врешь, а?

Я хотел сказать, что зуб даю, но не сказал. Я цыкнул раздосадовано – и даже немного обиженно.

– Правда или нет, – сказал я, – не знаю. А что рассказывали – не вру.

Таксист задумался и молчал до тех пор, пока не зазвонил с заднего сиденья телефон.

– Проснулся! – крикнул победно таксист. – Ага!

Он вытянул руку назад, нащупал телефон, посмотрел на экран и захохотал.

– А вот на тебе! – и он сбросил вызов.

Через секунду телефон звонил снова. Таксист посмотрел на меня довольно и сбросил еще раз. На третий раз он ответил, вальяжно поздоровался, начал ломать комедию, но потом не сдержался и затараторил, в красках описывая произошедшее.

Я пригрелся, в теплой машине вернулись отголоски походных рюмок, мысли стали путаться. Таксист пошел на второй круг – принялся рассказывать с самого начала, речь его то замедлялась, то ускорялась, меня снова стало клонить в сон.

На середине третьего круга таксист остановился, несколько раз сказал, что «зуб дает» и коротко попрощался с собеседником.

– Сейчас приедет, – сообщил он радостно.

– Кто? – не понял я.

– Кореш!

– Зачем? – мысли плавали как кисель.

Таксист поерзал.

– Посидим тут немного, – сказал он. – Посмотрим. Вдруг она при нас – того?

Я понял, что таксист собирался ждать таинственного исчезновения ямы. Я напомнил ему про несколько возможных суток.

– Ну а вдруг? Посидим пару часиков. Давай с нами.

Я трезво оценил ситуацию и, сославшись на ранний подъем, отказался.

– Да ладно тебе, – уговаривал меня таксист. – Такое дело-то!

Я замаялся, посмотрел на яму, на усилившийся дождь, на портфель у меня на коленях и покачал головой.

Таксист презрительно скривился.

Некоторое время сидели молча.

– Все-таки остаешься? – спросил таксист с надеждой.

Я объяснил, что хотел бы попасть домой.

– Вот еще! – крикнул таксист. – Я отсюда не уеду!

Я опешил.

– Не надо мне твоих денег, – говорил таксист. – Я тут остаюсь. Хочешь – иди пешком. Или еще кого вызывай.

Я засопел носом, отстегнулся, вылез из такси, перешагнул через заборчик, вышел по газону на тротуар и нетвердой походкой двинулся в сторону дома, подняв над головой портфель. Подойдя к перекрестку, я обернулся и увидел, что рядом с моим такси паркуется еще один автомобиль. Я постоял в нерешительности, потом свернул, дошел до следующего перекрестка, срезал через двор, развернулся и понесся обратно, перескакивая лужи – почти всякий раз без особенного успеха.

Машин было уже семь или восемь, почти на всех светились шашечки. Водители хлопали дверями, перебегали друг к другу, кто-то стоял под зонтом прямо на дороге.

Я влез под узкий козырек продуктового магазина и стоял, вытянув шею, вглядываясь в происходящее на дороге минут, наверное, двадцать, не меньше – пока не понял, что совсем замерз. Я постоял еще немного, раздумывая – не подойти ли к таксистам? – набрал Женю, но дозвониться не смог. Я вынырнул из-под козырька в ливень и, стуча зубами, прижав портфель к груди, заспешил домой, пообещав себе вернуться на следующий день.

Наутро я проснулся с ужасной головной болью – о том, чтобы садиться за руль, не было и речи – значительно позже положенного. Но таксиста я просил ехать через ту самую улицу. Яма находилась на прежнем месте, но больше не темнела – она до краев была наполнена дождевой водой и отражала в себе бледно-голубое осеннее небо, почти свободное от облаков. Вдоль дороги по обе стороны улицы стояли несколько машин – включая моего таксиста, который сидел, подперев щеку рукой, и не сводил глаз с круглого голубого пятна.

На работе надо мной весь день смеялись – и над доверчивыми таксистами смеялись. И посмеивались над Лёшей Козьминым, который после вчерашнего взял отгул.

– В горы ушел, – шутили коллеги.

Голова болела весь день, несмотря на аспирин, крепкий чай и смешной массажер, который стоял на тумбочке в углу рядом с калейдоскопом и раритетным «тетрисом» – тумбочка была данью уважения прогрессивным столичным офисам, в которых есть и столы для пинг-понга, и игровые приставки, и каюты для тихого часа.

В конце дня приехал Женя, обновил антивирус, исцелил мышку шефа от галочки «Для левшей» – мышку дважды меняли – и вызвался меня подвезти.

Ямы не было. И машин у дороги не было. Даже моего таксиста не было. На месте ямы маячил темный круг свежего зернистого, комочками, асфальта.

Стало понятно, что приезжали сотрудники дорожной службы и просто засыпали удивительную яму. Не удивлюсь, если – не вычерпав из нее предварительно дождевую воду.

Почему-то было обидно – я недоумевал, как мой таксист мог такое допустить. Женя подбросил меня к дому, я едва успел перекусить и повалился спать – и спал до утра.

Через полгода наша юридическая контора закрылась – корпоративы доконали ее. Я устроился в суд – архивариусом, – но бежал оттуда, едва отработав месяц. В конце концов меня взяли в юридический отдел транспортной компании, где я и тружусь до сих пор, не поднимая головы от бумаг. Но, однако, на горизонте – если говорить образно, головы-то я не поднимаю – даже маячит какой-никакой карьерный рост.

На этом рассказ можно было бы и закончить – если бы не в меру примечательная встреча, произошедшая на прошлой неделе и послужившая, если разобраться, поводом для того, чтобы вообще, так сказать, «взяться за перо».

Во вторник к нам приходил устраиваться тот самый таксист. Сразу раскрою карты – его не взяли. Мы встретились в коридоре, у лестницы, и в миг узнали друг друга – хотя у него над губой раскинулись роскошные усы, а я постригся чуть ли не наголо, потому что начал понемногу лысеть. Я посетовал на то, что он позволил дорожникам засыпать городскую легенду, он сперва моргал удивленно, расспрашивал, что да как, а потом рассказал, что никаких дорожников не было, что утром, часов около одиннадцати, кто-то из таксистов заметил, что круг воды – яма, как вы помните, до краев была наполнена водой – как будто сужается. Рассказал, что обступили, стали спорить, что какой-то смельчак ткнул в воду палкой, и оказалось, что никакой ямы нет, а есть ровная круглая лужа – и сужается она потому, что попросту высыхает. Рассказал, что под лужей в итоге обнаружился кружок темного зернистого асфальта – и впрямь похожего на свежеположенный. Рассказал он мне все это с серьезным лицом, я все ждал, что он пообещает зуб, но он не пообещал.

Возможно, именно поэтому я ему не особенно-то поверил.

Совсем не поверил, если признаться.